

Литературный МОЯК

№ 11
(261)

0+

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

Вот и декабрь. Ещё один год завершается. Приближаются самые волшебные, заветные, сказочные дни - Новый год и Рождество...

Сказка нужна всем: взрослым и детям. Сказка - это не просто фантазия, это память, это опыт, это мечты наших предков. Трудно было бы жить людям в те давние времена, когда морозы были не чета нынешним, если бы не верили они в то, что грозный Мороз может быть и справедливым Морозкой, который помогает честным, трудолюбивым и добрым людям.

Сказками, трудом, праздниками, играми, печами и валенками, санками и лыжами - всей жизнью своей «приручили» мы, северяне, мороз. И стал он добрым волшебником Морозкой, Морозом Ивановичем, Дедом Морозом... И мы не боимся мороза, холода, и вслед за Пушкиным повторяем: «Здоровью моему полезен русский холод»; и глядя в окно на нынешнюю зиму, ждём мороза и снега и верим, что они обязательно будут. И они будут. Будет и Новый год, и Рождество...

Как неинтересно жить без сказки о Морозке, так невозможно жить без веры в Рождество... Выживать можно, как выживали люди в борьбе с ледяным холодом, и даже верить, что это есть жизнь... Но это выживание. А жизнь там, где не холод, а Дед Мороз, где не бессмысленное проживание, а вера в Рождество Христа Искупителя...

Скоро, скоро уже... Ляжет на землю снег и будет поскрипывать под ногами, морозец зарумянит щёки ребятишек, замигают огнями ёлки на площадях и в домах... Скоро, скоро наступит волшебное время исполнения желаний и прощения обид...

Дети уже написали письма зимнему волшебнику. Дед Мороз уже готовит подарки. Дева Мария уже носит под сердцем нашего Спасителя...

С наступающим Новым годом и Рождеством, дорогие читатели, друзья! Я желаю вам счастья, я вместе с вами жду его, я верю, что оно обязательно будет в новом году.

**Дмитрий
ЕРМАКОВ**

В конце ноября были подведены итоги областного конкурса «Детская книжка своими руками», объявленного Вологодской областной детской библиотекой. На конкурс было прислано более шестисот руковорных книг со всех уголков Вологодчины. Это и книги с произведениями известных писателей, и загадки, и народные сказки. А были и такие книги, которые написали сами дети (с помощью взрослых, конечно). Сами написали, сами издали - здорово! Главное, что прикоснулись к творчеству и наверняка полюбили книгу.

В предновогоднем номере с удовольствием публикуем сказку одного из участников этого замечательного конкурса.

Денис СТУКОВ (6 лет, Сямженский район)

Новогодние приключения Снеговика

В одной маленькой деревне жил мальчик Ваня. Приближался Новый год. Ваня написал письмо Деду Морозу и понёс его в почтовый ящик. В это время подул сильный ветер и вырвал письмо из рук. Письмо закрутило и унесло очень далеко.

Ваня сел на скамейку и заплакал. У скамейки стоял Снеговик и слушал, как тихо плакал Ваня. Ему стало жаль мальчика, и он решил помочь найти письмо и отнести к Деду Морозу.

И вот наступила ночь. Снеговик пошевелился, огляделся, сделал первый шаг и отправился на поиски письма. Снеговик пересёк поле и оказался в сказочном лесу. Он шёл по сугробам, сквозь густую чащу. Было тихо. И вдруг он услышал чьё-то голоса. Это были зайчата. Снеговик подошёл к ним и спросил: «Что произошло?» А зайчата ему ответили: «Мы не можем отправить письма Деду Морозу из-за злого Волка». Злой Волк никого не пускал к почтовому ящику, и никто не мог отправить письма. Снеговик пообещал зайчикам, что он им поможет. И они отправились в путь.

Вскоре они оказались около дерева, на котором висел почтовый ящик. Под ним сидел Серый Волк. Он увидел Снеговика и зайчат. Зарычал. Но Снеговик его не испугался и подошёл к нему. Он спросил: «Почему ты такой злой?» Волк ответил: «Мне никто никогда не дарил подарков, поэтому никто в этот год тоже не получит подарков». И

тут Снеговик сказал: «Подарки дарят добрым и послушным за хорошие дела?» Волк ответил: «Нет». Ещё подумал и спросил: «А если я сделаю доброе дело, мне тоже подарят подарок?» - «Конечно!» - сказал Снеговик. «Ты можешь помочь мне найти письмо мальчика, которое унесло ветром. У тебя хороший нюх, и ты с этим справишься. А я

пока напишу письмо Деду Морозу, попрошу, чтобы он подарил тебе подарок. Согласен?» И Волк согласился. Он быстро побежал вглубь леса.

Пока не было Волка, все звери отправили свои письма, а Снеговик написал письмо Деду Морозу с просьбой подарить подарок Волку. Вскоре Волк вернулся и принёс письмо Вани. Снеговик опустил пись-

ма в почтовый ящик, напомнил Волку, что нужно делать только добрые дела, попрощался и довольный отправился домой.

Наступил Новый год. Все звери и даже злой Волк получили новогодние подарки. Подарок получил и мальчик Ваня. Он очень радовался, и вместе с ним радовался Снеговик. Ведь только он один знает, как получил письмо Вани Дед Мороз.

Дмитрий ЕРМАКОВ

Два рассказа

Белый день

- Давай! - Женька подталкивает Юру.
 - Давай! - кричит снизу Ленка.
 И Юра срывается с обреза сарайной крыши, и белая волна снега накрывает его... Он барахтается, выгребает...
 - Здоровско!
 Прыгают Женька и Вовка. Света не прыгает...
 Мальчишки вытряхают снег из валенок и рукавиц. Юра перевязывает на затылок завязки своей драной кроличьей ушанки.
 Девочки хихикают, что-то говорят одна другой на ушко, тычась в круглые пуховые шапки... И уходят домой.
 - За дорогой хоккей! - это Витька прибежал.
 И мальчишки бегут - кто домой, кто в сарайки за клюшками...
 В сарае сумрачно, остро пахнет дровами... Юре хочется пить, он приоткрывает крышку бачка, снимает камень с дощечки-загнёты, ковшиком проминает ледяную корку, черпает рассол и пьёт - обжигающе кислый, холодный...
 В приоткрытую дверь проникает белый уличный свет - в нём поленица дров у одной стены от земли до крыши, на другой стене подвешен велосипед, под ним рядами стоят бутылки - зелёные и белые.
 «Если утром ты встревожен,
 Если что-то манит в даль,

Начинай без промедления,
 Операцию «Хрусталь!» - вспомнил Юра прическазку отца. Отец далеко, «хрусталь» сдавать некому...
 Юра хватается за свою клюшку с перемотанным чёрной изолентой «пером», закрывает сарайку и бежит во двор через дорогу, где пацаны вчера залили хоккейную площадку.
 Тут уже назначили двух «маток», которые набирают себе команды. Юру, как обычно, взял Дюша Раков.
 И начался хоккей!
 Валенки скользят по льду не хуже коньков... Юра на воротах. Он принимает на себя шайбу. Пальтушка смягчает удар, но всё-таки больно, и Юра терпит...
 - Молоток! - хвалит Дюша Раков.
 А вот Раков столкнулся с снегового бортика с чужим игроком (Юра не знает этого парня) - замелькали кулаки. Но их останавливает, раздвинув руки, Саня Морозов:
 - Всё-всё, замирили!..
 Когда закончили игру, счёт был двузначный...
 Юра убрал клюшку в сарайку. Мама позвала от подъезда, и он подбежал к ней. Она уже поставила на санки ванну, а в неё корзину с ещё дымящимся бельём. Юра подхватил вёдра.
 Скрипит под ногами и полозьями снег. Колонка - синий чугунный столбик с носиком и рычагом - обледенела, но подход к ней посыпан песком.
 Ванну мама поставила у канавы, тут уже

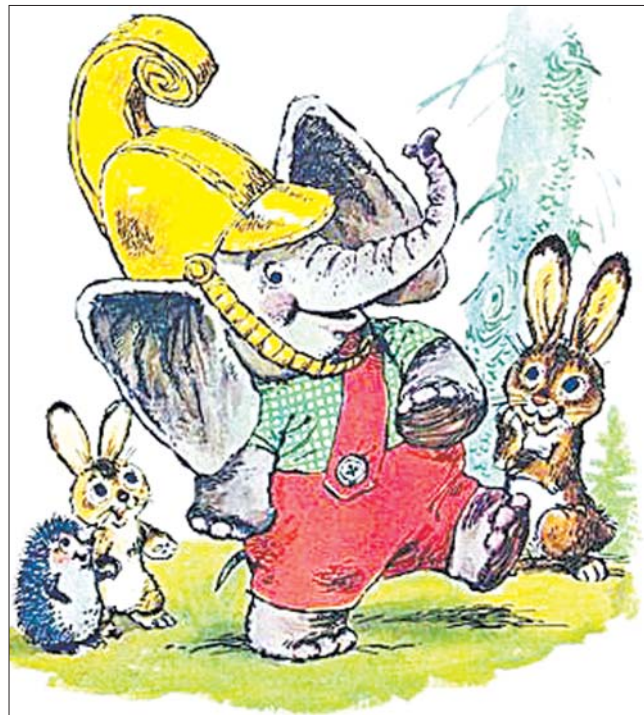

полощет тётя Люба, а её Витька таскает воду...
 И Юра таскает в очередь с Витькой, а их мамы полощут, о чём-то говорят, сливают воду в канаву...
 Мама почему-то снимает резиновые перчатки и матерчатые под ними и полощет голыми руками - руки красные, с узловатыми суставами...
 Опережая Витьку, Юра бежит к колонке, но слышит: «...Пьёт и пьёт, а пусть хоть совсем упьётся...»
 Думал, что это мама говорит, оглянулся, нет - тётя Люба...
 Они возвращаются к дому. Белизна снега и дня синееет...
 - За дровами сходи, - просит мать, прихватывая корзину. И пока она заносит

сит в дом корзину, потом ванну и вёдра, Юра набирает охапку дров, привычно, обхватив дрова и подпирая ещё снизу коленом, замыкает замок, идёт к дому, хлопает дверью подъезда, по широком ступеням поднимается на второй этаж, слышит, как мама уже ходит на чердаке, развешивает бельё...
 Юра бухнул дрова у печи, скинул рукавицы, ушанку, заледенелое по низу пальто, задубевшие валенки...
 ... В печке потрескивают дрова, комната наполняется теплом и вкусным запахом кухни.
 Юра стоит у окна, смотрит, как тают и стекают по стеклу белые ледяные перья... Как уходит навсегда белый, белый день...

Письмо

В их доме, на первом этаже, одно время была детская библиотека, и Юра стал читателем раньше, чем научился читать. Он спускался по широким деревянным ступеням (первоначально, ещё до рождения Юры, в этом доме была школа) на первый этаж - там четыре двери, как на их втором этаже. Библиотека - дальняя справа. Юра подходил, наваливался на туго закрытую дверь и попадал в волшебный мир...
 Те книги, которые интересовали его тогда - большие, яркие, - стояли в ящиках на столе рядом со стойкой, за которой сидела библиотечкарь. Ящиков было два или три, и Юра перебирал одну за одной все книги в них. Он долго рассматривал картинки, потом брал книгу домой, и мама читала ему: про то, как «битый небитого везёт», про «вершки и корешки»... И особенно запомнилась одна - про Чапаева. На последней странице прославленный герой переплывает реку Урал, а по нему строчат с берега из пулемёта враги...
 Дома тоже были книги. Вот он берёт «Приключения барона Мюнхгаузена», идёт в кухню, где мама что-то готовит. Она вытирает руки клетчатой полотенцем, садится и читает ему...
 Юре было шесть лет...
 И однажды он не стал просить маму, а сел на низенькую табуретку перед печкой, раскрыл книгу со слонёнком в пожарной каске на обложке и стал складывать буквы и слоги. И - о чудо! - стали появляться слова, картинки из книжки ожили, звери в ней заговорили! Слононок оказался живым, и он, так же как Юра, очень хотел заниматься каким-нибудь интересным и нужным делом... Слононок стал пожарным! И Юра побежал к маме, чтобы рассказать о свершившемся чуде.
 Много лет спустя он узнал, что книгу написал Геннадий Цыферов, и мысленно поклонился писателю...
 Во втором классе учительница сказала, что надо вести «читательский днев-

ник». И Юра завёл толстую тетрадь, так и оставшуюся наполовину незаполненной (она и по сей день лежит в нижнем ящике шкафа). Первой в ней записана книга Йозефа Лады (он автор текста и рисунков) «О хитрой куме лисе»: там и переведённая и раскрашенная картинка из книги, и подробный пересказ... Последующие, записанные в дневнике книги не помнятся. Постепенно запись о них сводилась к одной строчке: «Книга очень интересная» или «книга понравилась»... Книги сливались в единый, бесконечный текст, который Юра не читал, а глотал - он ходил в школьную и в городскую библиотеки (библиотеки в их доме уже не было)...
 Читал и те книги, что были дома, они стояли в простеньком книжном шкафу со стеклянными дверцами.
 Отец какое-то время работал на «утилке», видимо, оттуда, из утиль-сырья, и появлялись в доме некоторые книги. «Уральские сказы» Бажова в зелёной

матерчатой обложке, вся разобранная по страницам и прочитанная многократно книга. Павел Бажов остался одним из самых любимых писателей на всю жизнь.
 Две книги канадского писателя Сетона-Томпсона: «Маленькие дикари» и «Рассказы о животных»... Юра даже пробовал шить мокасины, как было рассказано об этом в «Маленьких дикарях». «Лобо», «Домино», «Мустанг-иноходец» - названия засели на всю жизнь, ведь эти рассказы он перечитывал, наверное, десятки раз.
 Книги «про индейцев» Фенимора Купера - особая тема. Эти книги он брал в школьной библиотеке: «Зверобой», «Следопыт», «Последний из могикиан», «Прерия», «Пионеры»...
 Однажды с мамой зашли в магазин «Дом книги», и там (удивительно!) в шкафу за стеклом стояла книга «Последний из могикиан». Но радость быстро угасла. «Эта книга по подписке», - ответила продавщица. В те годы хороших книг в свободной продаже не было.
 Юра смотрел на заветную книгу, и слёзы бежали по его щекам (а ведь он учился в четвёртом или даже в пятом классе). «Подождите, подождите... Сейчас... Не плачь, мальчик», - продавщица торопливо достала из-под прилавка ещё одну заветную книгу. «Пробивайте в кассе». Не то что книгу, цену на всю жизнь запомнил: рубль сорок. «Выревел», - сказала мама. Это тоже запомнилось. И единственный раз в жизни (так запомнил Юра) отец (он тогда уже купил дом в деревне и жил постоянно там, лишь иногда приезжая в город) читал первые страницы этой книги вслух ему и матери...
 И, конечно же: Стивенсон, Жюль Верн, Дюма, Джек Лондон... И ещё многие,

многие книги и авторы... Серия «Библиотека приключений», передняя обложка книг из которой, как понял позже, оформлена на манер иконы: центральный рисунок (обычно главный герой) и по всему периметру обложки - квадратик-клейма с миниатюрными рисунками... А ещё был Гайдар: «Р. В. С.», «Чук и Гек», «Судьба барабанщика». Ещё был Носов (Николай. Евгений - гораздо позже). Был «Волшебник Изумрудного города». Были сказки Пушкина и «Бородино» Лермонтова...
 В девятом классе он впервые прочитал Шукшина: «Чудик», «Сапожник», «Крепкий мужик», «Охота жить» - всё это запомнилось ещё тогда, в пятнадцать лет.
 И тогда же в его жизнь пришла поэзия (когда и сам начал писать стихи). Дома были книжки Рубцова, Коротаева, Фокиной. Есенина он брал в школьной библиотеке. Там же брал Евтушенко и Рождественского...
 Почти весь набор поэзии, с которым живёт Юра: десятки стихотворений, отдельные строфы и строчки - из того времени. И даже стихи, почему-то запомнившиеся с ошибками (с другим словом или пропущенной строчкой), так и помнятся всю жизнь. И в этом даже есть какая-то заветная между Юрой-читателем и автором тайна...
 В девятом или десятом классе писали сочинение (что-то о «малой родине»), и Юра легко вставил в него цитаты из Коротаева и Фокиной. Обидно было, когда учительница решила, что он списал эти строчки. Очень обидно... Впрочем, сочинения вообще не удавались ему: он писал или меньше, чем было нужно, укладывал свои знания и мысли в одну-две странички, или же вовсе не писал, потому что в старших классах не читал по программе...
 Уже гораздо позже, после армии, прочитал он и Толстого, и Достоевского, и Шолохова. Полюбил Чехова и Белова, Казакова и Пришвина... Пушкина!
 Всё это пришло гораздо позже.
 Но всё это с ним, как письма от дорогих людей из души в душу. Как то, самое первое письмо про слонёнка...

Наступила зима. Приближается самый весёлый и сказочный праздник - Новый год. Ждут этот праздник и взрослые, и дети. Потому что всем нужна новогодняя ёлка, всем нужна сказка...

В этом номере - зимние и новогодние стихи и рассказы ребят, занимающихся в клубах детского чтения. А их в нашем районе Центром культурного развития организовано уже пять: в Кубенском («Фонарик»), в Новленском («Ключик»), в Непотягове («Родничок»), в Надееве («Огонёк»), в Сосновке («Чтение под соснами»). Ребята-участники этих клубов читают книги, рассказывают о них своим друзьям, сами сочиняют стихи и сказки...

Ребята, присоединяйтесь к нам! Вместе читать и сочинять интересно!

Иван ХОМУТОВ (4-й класс)

Два хомяка

Была зима. Я был в гостях у бабушки. И как-то раз мы пошли в парк, где был магазин животных.

В магазине я увидел табличку, на которой было написано: «Хомяки». Я обрадовался и зашёл в магазин.

Там было много хомяков. Я выбирал очень долго и нашёл двоих красавцев: один был белый, другой - светлокоричневый. Я их купил, а

бабушка и дедушка были рады.

Дома хомяки сами открыли клетку и убежали. Когда я их нашёл, то белого назвал Проводок, потому что он запутался в проводах, а коричневого - Топтыга, потому что он сидел в валенке.

Я снова посадил их в клетку, а сторожить их стал Черныш (это кот, который любит поспать). Но хомяки всё равно убежали, и я снова находил их...

Екатерина КАМКИНА
(2-й класс)

Снегом белым всё укрыла:
И деревья, и дома.

Дедушке Морозу
Я письмо пишу.
Грузовик с прицепами
Нужен малышу!
Чёрненькие шины
И прицепа три...
Длинную машину
Ты мне подари!

Валерия АЛЕКСУТИЧЕВА
(2-й класс)

Ах ты, зимушка-зима,
Наконец-то, к нам пришла.

Савелий БОРИСОВ
(2-й класс)

Собирайся, детвора!
Выходите поскорей!
Будем ёлку наряжать,
Вместе будет веселей!
Вешайте фонарики,
Яркие, как шарики.
Бусы и снежинки,
Мягкие пушинки!
Ёлка вся в снегу стоит,
Вся сверкает и блестит!
К нам Снегурочка пришла
И фонарики зажгла!

ФОНАРИК

страница творчества
детей и для детей

Дмитрий СОКОЛОВ
(4-й класс)

Зимнее утро

Как-то рано утром я вышел на улицу.

Всё вокруг светилось от солнца, которое приветливо улыбалось мне. Все ветки берёз были покрыты инеем. Из-за небольшого морозца у меня пощипывало щёки и нос.

На рябине я увидел стайку снегирей. Они склёвывали мороженые ягоды рябины. Из труб уже шёл дым, но на улице ещё никого не было...

А эта сказка написана семьёй Глазычевых из Сямженского района.

Семья ГЛАЗЫЧЕВЫХ

Предновогодний сон

Петя проснулся. Было зимнее утро. Он выглянул в окно, но снега не увидел. Почему-то его до сих пор не было, хотя уже подходил к концу первый месяц зимы.

Где же снег? Где же Дед Мороз, почему он не торопится укутать землю снежным одеялом? Может, он заболел? Нужно скорее узнать, что случилось!!!

Петя стал собираться в путь. Дорога была неблизкой, но это его не пугало: ведь с ним был его верный друг - пёс Мухтар.

Шли они, долго ли, коротко ли, шли, близко ли, далёко ли, и вот наконец пришли в вотчину Деда Мороза. Кругом стояла такая тишина, и было подозрительно жарко. А уж праздничных приготовлений и в помине не было.

«Что-то здесь не так!» - подумал Петя. И вдруг они увидели синичку, она грустно тенькала:

- Беда... Беда... Нового года не будет...

- Почему? - удивлённо спросил Петя.

- Дед Мороз спит непробудным сном, его заколдовала злая Старуха Жаруха. Она не любит снег и зимний мороз, - продолжала тенькать синичка.

- Как же его расколдовать?
- Нужно найти волшебный посох Деда Мороза, который украла Старуха Жаруха, ударить им три раза о землю и произнести волшебные слова:

«Посох, посох ледяной,
Прогони как сон дурной
Чары - что большой стеной
Закрывают свет дневной!»
Тогда и очнётся от чар Дед

Мороз, а с ним и все жители вотчины проснутся.

- Где же искать эту вредную старуху?

- В тридцатом царстве - жарком государстве стоит посреди пустыни дом-печка. Там и искать надо!

- А как туда попасть?

- У Деда Мороза были волшебные валенки, они вас мигом туда доставят, нужно лишь сказать: «Валенки, летите, на место принесите - в тридцатое царство - жаркое государство». И при этом не забыть повернуться три раза.

Так Петя с Мухтаром и сделали. И вот очутились они напротив дома-печки.

- Избушка-печка, повернись к нам передом, а к горячему песку задом! - попросил Петя. Повернулась печка, и оттуда вышла сама Жаруха:

- Кто посмел меня потревожить?

- Это мы - Петя и Мухтар!

- Зачем пожаловали?

- Хотим пригласить тебя на праздник!

- На какой ещё праздник?

- А ты разве не слышала, что скоро будет весёлый праздник - Новый год?

- Что это ещё за праздник такой? Никогда не слышала о таком!

- Как это так? Он каждый год бывает, когда на улице снег искрится, под ногами хрустит!

- Ну, понятно, я не люблю, когда холодно!

- Но это же очень весёлый праздник: все радуются, водят хороводы вокруг красивой ёлочки, а Дед Мороз дарит подарки!

- Я люблю подарки, но мне их почему-то никто не дарит.

- А ты сама умеешь дарить подарки?

- Нет...

- А ты попробуй!

- Хорошо, а что я могу вам подарить?

- Ну, хотя бы посох Деда Мороза.

- Какой такой посох?

- Который ты, наверно, случайно у Деда Мороза взяла?

- Да, он мне самой пригодится!

- Вот-вот, когда подарок даришь, нужно дарить то, что и самому бы пригодилось. Тогда точно не ошибёшься!

- Мне подумать надо...

- Мы тебя на праздник пригласили, а Дед Мороз и тебе обязательно подарок подарит. Ты знаешь, Жаруха, что зимой холодно лишь тому, кто злится или бездельничает.

- Как это так?

- А вот сама попробуй хороводы вокруг ёлки водить, с горки на санках или «ватрушках» покататься. Сразу весело и тепло станет.

Захотелось Старухе Жарухе побывать на новогоднем празднике, и отдала она волшебный посох. Ударил Петя посохом о землю три раза, произнёс волшебные слова, и раздался звон...

Петя проснулся от звука будильника. Тот так громко трезвонил, что он соскочил с кровати. «Неужели это был сон?» - подумал Петя. Подойдя к окну, он увидел: повсюду искрился белый снег, а вчера ещё его в помине не было! Может, всё же это был не сон, и чудеса случаются!

Петя быстро оделся, схватил лыжи и побежал на улицу.

Геннадий Максимович Ёмкин - известный современный поэт, член Союза писателей России. В своём творчестве он ярко продолжает традиции Есенина и Рубцова, обогащая эти традиции своим незаёмным поэтическим словом. Живёт в городе Сарове Нижегородской области.

Геннадий ЁМКИН

«А птицам тоже Родина нужна...»

ПОЛЕ

Поле в асфальт закатали.
Знаки и линии в ряд,
Где васильки мне кивали.
Всё под асфальт, под асфальт.

В лязге, в строительной пыли
Мастер решает вопрос,
Чтобы бульдозеры срыли -
Всё под откос, под откос.

В лязге, в строительной пыли
Люди в каком-то бреду
Полю на грудь положили,
Как на могилу, плиту.

Всё! Уложились до срока!
Дует в трубу музыкант.
Просто, сурово, жестоко
Мы применили талант.

Давит шофер на педали,
Думает что-то своё.
Поле в асфальт закатали,
Русское поле моё...

ОНИ

Я слышу топот ног и гуд.
От рубежей, от окоёма
Они на царствие ведут
Свой разум тёмный.

И стонет Русь под их пятой.
Я слышу это!
Орды уже не золотой -
Другого цвета.

А во главе их - тёмный князь.
И гаснут звёзды...
Вставай, Илья, перекрестись,
Пока не поздно!

Вспоминая всё,
что в жизни пройдено, -
Видно, годы делают мудрей, -
Я всё чаще думаю о Родине,
О земле единственной моей.

Может быть,
не очень и заметная,
Как неброский за окном пейзаж,
Родина - понятие конкретное,
А не поэтическая блажь!

Кланяюсь тебе и верю, Родина!
Скромной жизни подводя итог.
Вспоминая,
сколько было пройдено
По тебе, любимая, дорог.

Но любая к дому приводила
Сквозь огонь, и лёд, и зелена,
Потому что матушка крестила
В спину уходящего меня.

Вспоминаю всё,
что в жизни пройдено,
И шепчу заветные слова:
- Слава богу,
есть на свете Родина!
Слава богу, матушка жива.

ЦЕРКОВКА

Юрию Курдину

То ли небо ниже наклонилось,
То ли поле выгнулось горбом,
Для того, чтоб церковка
вонзилась

Прямо в небо
простеньким крестом.

Сколько храмов,
Господи помилуй!
Так и рвутся, рвутся в небеса.
Господи! Божественною силой
Отвори невидящим глаза!

Неспроста ведь,
солнцем облитая,
Словно Дух и Совесть
всей Руси,
С бугорочка церковка простая
Во Твои уткнулась небеси...

А птицам тоже Родина нужна -
И соловью,
и маленькой синице.
Любая ветка песне не годится.
Для песни птице Родина нужна.

И я, влекомый
к дальним берегам,
Хотел им петь.

Но в сердце мне звучали
Берёзовые тихие печали
И поклоненье веющим снегам.

И понял я: какого мне рожна
Далёких гор угрюмые отроги?
Верните мне туманы у порога.
Для песни птице Родина нужна.

Всегда твой сын,
люблю и понимаю
Летающий лист, у образа свечу
И журавлей...
Я с ними зарыдаю,
Но никуда уже не улечу.

Виталий Ювинальевич Ламов пишет о природе, охоте, деревенской жизни. Пишет хорошим русским языком и со знанием дела. И, что самое главное, с любовью - к природе, к людям, к родине. Автор ряда сборников и множества публикаций в периодических изданиях. Живёт в Тарногском районе Вологодской области.

О снеге

Я шёл по бору. Сосны были в снежной кипени от первого обильного снегопада. Природа приобретала обычный в моей точке бытия и для большего времени года вид. Вид зимы, снега, холода, оцепенения. И тут послышались гусиные крики...

«Опять домашние гусаки орут», - подумалось. Их гвалт, бывало, уже не раз скребочком для выделки пушных шкурок корябал охотничью душу. Спящую душу. Осень шла своим чередом, своей ускоренной поступью, как и всё время бытия после пятидесяти осеней, а я не встревожил - не взбудил лес ни одним выстрелом. Жизненный выбор расхотелся лучами просек, и предстояло идти нехоженой визирой. Ружьё от этих метаний оставалось полузабытым и томилось в стальных застенках. А голоса сверху, именно откуда-то с неба,

иногда нескромный (да хоть какой!) - ещё не закончен. Гуси, гуси! Я с вами! Но пока мыслями. Я уеду. И я вернусь. И гуси прилетят, не спрашивая, ждёт ли их Север, приветит ли Весна. Она их верно и встретит, и накормит, и солнышком обласкает, и озарит «белыми ночами».

Я шёл бором и любовался первою кухтой на деревьях. Я знал, что она будет намерзать и оттаивать, копиться на хвойных лапах весомыми горами и опускаться под ветром оренбургскими пуховыми платками к подножию деревьев. Я многое знал про снег. Про холодный, чужой, смертельный, враждебный теплолюбивому телу. Я знал его под сапогами, валенками и лыжами; за воротником и в стволах ружья; под гусеницами трактора и в шапках-«мономах» на копнах сена и ёлках... Мало ли ещё где и как! От этого знания мне хотелось иногда пожить в бунгало и

были чисты, звучны и зовущи. Они заставляли самых простых обывателей «ломать» шею и подставлять свои лица встреч колким снежинам. Ну, может быть, кроме тех, кто тянулся за выпивкой, будучи с похмелья. Похмельный «стаж» в несколько дней суживает круг интересов до одного-единственного - стопки. Это, конечно же, были не домашние, с хрипотцой, знающие только староречину и крытый сарай гуси, а дикари, вольные птицы. Я высмотрел их между сосновых крон, покрытых кухтой. Два небольших низколетящих косяка гусей прощально подавали голоса и тянули в ту сторону, куда предстояло отъехать мне самому вечерней порой. На юго-запад.

Прощались мы тяжело. Я знал, что моя поездка ей не по душе. Я спросил: «Ты будешь ждать?» В ответ получил молчание оцепеневшего, холодного предзимнего неба, которое мело да мело и уже не в состоянии выдавить на землю ни снежинки. Мороз, холод, отчуждение.

И вот голоса! Гусиные... Не прощальные, нет! Они говорили просто «до свидания». До свидания, Север, до свидания, Тарнога, до свидания, маленький человек в чёрной курточке с бледным лицом, задранным к небу. Моя душа рванулась было в полёт, туда, где вольно, просторно, широко, необъятно. Рванулась к вечности и тут же обмякла и вернулась под курточку. Наверное, не потому, что там теплее, а потому... потому... Да потому, что земной путь - мелкий, скромный, незаметный, пустяч-

любоваться снегом на вершине Килиманджаро, допустим. В то утро мы не сошлись во мнении о снеге. Она ему радовалась, а я... я уезжал.

И я помнил «долгоиграющий» леденец зимы, который «сосесть» целых полгода. Но как бы резко ни сказал о снеге, хочу, чтобы он ещё сиял в моих глазах, живых глазах, сыпался на плечи с ёлок на просеке и с неба своей родины. Всё хочется повторить ещё раз. Лыжи пока наострены.

Я уеду. Но вернусь. И мы о многом ещё поговорим и многое вспомним. Я расскажу ей о снеге, о своих бывших зимах. Мы будем говорить о холоде, а в наших глазах залучится весна и в душах прорастут прекрасные бутоны цветов. Ведь они зацветут на самой благодатной и питательной почве - на любви. По крайней мере, на одной грядке, на мужской. Уверен: наше отчуждение кратко, как северная «белая ночь». Мою обиду уже унесли гуси, покидающие заснеженный наш край. Снежный и холодный, но до щемящего гусяного крика родной и любимый.

А на зелёных склонах Килиманджаро я бы выдержал ещё меньше, чем гуси на зимовке. Не удержала бы меня и знаменитая «африканская пятёрка» - лев, леопард, носорог, слон, буйвол. В наших снегах живёт своя великодушная «пятёрка»: лось, кабан, медведь, волк, рысь. И на лыжах за ними, на лыжах! По снегам своей родины.

Виталий ЛАМОВ

По снегам своей родины

(два рассказа)

Мысли-воробушки

Заросли ивняком поля,
Встали ёлочки по дорогам -
Это избранная земля
Так готовится к встрече с Богом!
Илья Иконников

Укатились в прошлое конские шарики-катышки. Слинjali коровы «лепёшки». Сменяемая череда сезонов в моднице природе стёрла и следы копыт на деревенских улицах. Много уж обнов сменила наша матушка-природа с тех пор, как почва перестала получать удобрение, а для иной живности и стол. Дикой травой-лебедой поросли навозные залежи у ферм и телятников. Затерялись в бурьянах и крапиве останки зернотоков. Кормные были места для птичьих ватаг! Сытные. И отметилось как-то: не достаёт в нашей обыденности таких заурядных птах-соседей, как воробушки. Где их обычная суетность? Нет воробьиной возни, как и суетности деревенской. Человеческой.

Опять наберут осеннюю высоту ины мелкие пташки, налётами радующие северян. Улетят от нас со своим потомством. Душа затоскует, и глаза потерянно будут искать серо-бурые живые «мячики» около своего унылого жилища. Воробьи, известно, «пешком» не ходят, а только скоком. Прыгскок, прыг-скок!.. Будут искать и не находить. Глаза.

Деревенская ребятня сродни воробьям: прыгнул, скакнул, баловное что-то сотворил под вицу будущую. Взрослая же деловитость и озабоченность редко снисходила до птичьей возни и чирканья. А тут вдруг потревожило как-то, чего-то не стало. А это воробушков не видать! Слово стол обеденный опустел, остался без ржаного хлеба. Не стало. Тоскуют наши чувства по звукам прошлой жизни, часто, бывало, раздражающим; по запахам, далеко не всегда с ароматом приятным; по распахнутым полевым далям, требовавшим предельного физического напряжения, а ныне легко попавшим в полон лесной заросли. Вспоминаем деревенское прошлое, словно в жёнах ищем черты невест. И без воробьиной стайки тишина установилась более тревожная, озабоченная. Тишина.

Но нынче нет-нет да встрепенётся радостно весь организм при виде «потеряшек». «Ах ты, курилка, жив, однако!» И не хочется делать резких движений. Какие-то смиренные стали наши соседи, потерянные, что ли... «Хм, робкие воробьи...» Люди в деревне также проживают в робости и недоумении. Доживают.

Жизнь неистребима. Деревенская судьба претерпела множество встрясок-лишений, но не было такого безумного забвения. Вечна жизнь, но периодически стремится к «обнулению». Надо, однако, колесу «нуля» придавать обратное вращение. Не опоздать бы, однако.

Глядя на залетевших воробушек, теплится-леется надежда на самодостаточную деревню. Вернутся запахи и сена, и... да-да: дворов с хлевами. Заблудились просто где-то... запахи. Укатившаяся жизнь.